

Дунфан Ду уняла эмоции, подняла руку и мягко отвела руку Сянь-фэй:

— Это я вспылила, мать, но этот шаг мне сделать необходимо.

Вспомнив те десять лет, что она провела за пределами дворца, она спросила:

— Разве матушка не помнит? В четвёртый год Цяньшэн, когда мне было три года, из-за слабого здоровья я последовала за Уяцзы из дворца изучать боевые искусства, и так до четырнадцатого года Цяньшэн...

Сообразив, что сейчас идет пятнадцатый год Цяньшэн, она поправилась:

— ...до прошлого года, когда я наконец вернулась во дворец? Все эти десять лет, помимо боевых искусств, я приобрела много друзей в мире цзянху.

У Уяцзы было трое учеников: старший соученик Фан Хуэйтин, который был на три года старше Дунфан Ду, старшая соученица Чу Ми, бывшая на год старше, и сама Дунфан Ду. Сяомин и старшая сестра Чу Ми были самыми близкими людьми для Дунфан Ду, а Чу Ми даже знала её секрет: она скрывала свой истинный пол под мужской одеждой, притворяясь принцем. Троица вместе странствовала по цзянху и познакомилась со многими прославленными героями и благородными мужами.

— Что Ду-эр имеет в виду? — Сянь-фэй слегка нахмурилась, понимая, что раз её августейший сын заговорил об этом, значит, в его голове уже созрел план борьбы за императорский трон.

Дунфан Ду не стала отвечать напрямую и произнесла:

— Матушка, раз уж я смогла вернуться в пятнадцатый год Цяньшэн, я обязана защитить тебя. И не только защитить — я должна изменить собственную судьбу.

Услышав это, Сянь-фэй сразу поняла замысел Дунфан Ду: та собиралась начать с привлечения на свою сторону людей из цзянху, чтобы шаг за шагом прокладывать путь к статусу наследного принца.

Закончив говорить, Дунфан Ду невольно вспомнила прошлую жизнь. Стоило ей подумать о том, что её прежний мягкий, добросердечный нрав и нежелание ни с кем бороться привели лишь к подлой гибели от чужого клинка, как её охватила жгучая, невыносимая ненависть.

Быть может, она ненавидела то, что её без всяких причин убил Дунфан Си; а может, по-настоящему её терзало лишь слепое и глупое усердие Аньюнь. Если бы тогда Аньюнь согласилась уйти вместе с ней из императорского дворца и зажить уединенной жизнью в Безымянной долине, всё сложилось бы иначе.

Желание взойти на трон продиктовано отчасти нежеланием быть убитой, но куда важнее было то, что тайная стража подчинялась лишь приказам императора. Если бы она захотела заполучить Аньюнь, у неё не оставалось иного пути, кроме как завладеть тронном.

Поняв, что одна из главных причин её стремления к власти — это Аньюнь, Дунфан Ду невольно задала себе вопрос: неужели она и вправду не может отпустить её? Почему после того, как её убили собственные руки этой девушки, она всё равно продолжает думать о ней? Неужели отдать ей одну жизнь было мало — нужно отдать и эту новую жизнь? Проведя десять лет в странствиях и за изучении боевых искусств за пределами дворца, Дунфан Ду вернулась только на четырнадцатом году Цяньшэн в тринадцатилетнем возрасте, тогда-то в императорском саду она впервые и встретила Аньюнь, которая только-только попала во дворец. В ту пору Аньюнь была еще сущим, наивным ребенком. Сцена их первой встречи до сих пор стояла перед глазами.

— Меня зовут Дунфан Ду, я второй принц. Из какого ты ведомства и что здесь делаешь? — с искренним любопытством поинтересовалась она, пораженная тем, что какая-то служанка осмелилась самовольно разгуливать по императорскому саду.

— Я... я не служанка, — заикаясь, ответила та. Дунфан Ду тогда и представить не могла, о чем думала в тот момент Аньюнь: Разве этот человек не принц? Почему он говорит о себе просто я, а не называет себя бэньгун?

— Не служанка? Если не служанка, то как ты вообще оказалась в императорском дворце? — Дунфан Ду склонила голову набок и нахмурилась. — Какая наглость! Не служанка, а открыто шатается по императорскому саду — уж не убийца ли ты?

С этими мыслями она мгновенно применила захват дракона, вмиг ухватив Аньюнь за плечо и руку и прижав к земле:

— Говори, не подсланный ли ты убийца?

— Я не убийца, я из тайной стражи! — выпалила Аньюнь и, сделав резкий кувырок, выскользнула из захвата Дунфан Ду, одновременно отвесив пинок, который опрокинул саму Дунфан Ду на землю.

Вскочив на ноги пружинистым прыжком карпа, Дунфан Ду приняла боевую стойку и со слегка покрасневшим лицом выпалила:

— Какая дерзость! Сметь поднимать руку на принца!

— Разве принцы не называют себя бэньгун? Ты вовсе никакой не принц! — свирепо глядя на неё, процедила Аньюнь. — По-моему, это ты здесь убийца!

Услышав это, Дунфан Ду залилась еще более ярким румянцем. Неловко опустив руки и выпрямившись, она пробормотала:

— Я... я... я так долго жила вне дворца, только-только вернулась и еще... еще не привыкла называть себя бэньгун...

Она подумала о том, что за десять лет скитаний у неё просто не было возможности использовать это слово. К тому же обращение бэньгун казалось ей донельзя жеманным и девичьим, и за то недолгое время после возвращения во дворец она то и дело срывалась на простое я, если рядом не было того, кто мог бы вовремя одернуть её.

— Долго жила вне дворца? И насколько долго? Месяц? Или два? — Аньюнь думала, что под долгим пребыванием вне стен дворца та имеет в виду всего пару месяцев. Кто бы мог подумать, что речь шла о целых десяти годах?

Когда же Дунфан Ду бросила в ответ: Я провела за пределами дворца целых десять лет, Аньюнь замерла с приоткрытым от изумления ртом, не в силах вымолвить ни слова.

Заметив на лице Аньюнь смесь шока и недоверия, Дунфан Ду пояснила:

— Когда мне было три года, у меня было слабое здоровье. Линь Шунань, лекарь из императорской клиники, как раз был знаком с моим учителем Уяцзы. Он спросил его, не согласится ли тот взять меня в ученицы и обучить боевым искусствам для укрепления здоровья. Я думала, учитель откажется, но кто бы мог подумать, что он согласится, даже не раздумывая. Так я и ушла из дворца вместе с Уяцзы.

— Ты же принц! Как ты мог просто так уйти из дворца вместе с посторонним человеком, неужели император дал на это согласие? — удивилась Аньюнь. По ее разумению, если столь высокородному принцу действительно требовалось укрепить здоровье боевыми искусствами, можно было просто нанять наставника во дворце, зачем для этого покидать его пределы?

— Мастерство Уяцзы славится на весь мир. Разве мог император-отец упустить шанс сделать меня его ученицей? — с гордостью произнесла Дунфан Ду, а заметив, что стоящая перед ней девчонка даже не слышала имени её учителя, презрительно бросила: — Ты что, никогда не слышала о моем учителе?

— Н-нет... не слышала... — робко пролепетала Аньюнь.

Она уже собралась было открыть рот и задать еще какой-то вопрос, но Дунфан Ду опередила её:

— Ты так и не сказала, как тебя зовут.

— Я... меня зовут Аньюнь.

Аньюнь вовсе не собиралась называть своё имя этому парню, особенно после того, как увидела его напыщенный и самодовольный вид, который вызывал у неё лишь отвращение. Но, вспомнив, что перед ней второй принц, она поколебалась немного и всё же назвала себя.

— Аньюнь? Странное имя, разве бывает фамилия Ань? Ты часом не врешь мне?... — Дунфан Ду приподняла брови, склонилась к самому лицу Аньюнь и подозрительно прищурилась. — Я

столько лет странствовала по цзянху, но никогда не встречала людей с фамилией Ань.

— Я — тайный страж императора, а это имя мне даровал сам государь! — видя крайнее недоверие на лице Дунфан Ду, Аньюнь сгоряча выболтала своё происхождение.

— Тайная стража? — Дунфан Ду выпрямилась и, подражая жестам Уяцзы, потерла подбородок. — Я давно слышала, что у отца-императора есть тайная стража, но сегодня впервые вижу живого представителя! Упустить такую удачу нельзя!

Дунфан Ду тронула уголки губ, являя миру улыбку, которую считала невероятно обаятельной и пленительной:

— Юнь-эр, раз уж ты тайный страж государя, почему ты слоняешься здесь, в императорском саду? Разве ты не должна находиться рядом с императором и защищать его?

Едва задав этот вопрос, она вдруг сообразила, что Аньюнь выглядит ровесницей ей самой — какая уж тут охрана императора! К тому же секунду назад та запросто далась ей в руки, да и скорость реакции оказалась не на высоте. Подумай только: если такие люди будут охранять отца, о безопасности правителя нечего и мечтать.

Впервые в жизни столкнувшись со столь чарующей улыбкой — особенно на лице парня, — Аньюнь густо покраснела, смущенно опустила голову и больше не смела поднимать взгляд на Дунфан Ду.

Заметив покрасневшие щеки Аньюнь и её девичье смущение, Дунфан Ду мысленно торжествовала:

— Не зря все те девицы в цзянху теряли от меня голову. Видимо, моя улыбка и вправду неотразима, раз уж даже императорский страж не устоял...

Полюбовавшись этим зрелищем с мгновение, Дунфан Ду вспомнила, что у неё остались вопросы к тайной страже императора, наклонилась к самой Аньюнь и заговорщицки шепнула:

— Юнь-эр, в твои-то годы, когда боевые искусства еще недостаточно... кхм... еще не достигли непобедимого уровня, как тебя вообще могли допустить к охране императора?

Аньюнь вспыхнула, исподлобья глянула на Дунфан Ду, а затем испуганно огляделась по сторонам. Убедившись, что ее наставника и других стражей поблизости нет, она тихо ответила:

— Вт... второй принц, нас, девять новых стражей, сейчас обучают наши наставники, в будущем мы должны занять их места...

— Девять новых стражей? — Дунфан Ду моргнула. — Отец такой экономный, почему его охраняют всего девять человек...

Аньюнь еле заметно кивнула:

— Я, Аньфэн, Аньсин, Аньчэнь, Аньчжоу, Анье, Аньнянь, Аньжи, Аньси — всего девять новых стражей на замену девяти старым со службой под теми же именами.

— Смена поколений, значит?

— Угу. Наставникам уже исполнилось по тридцать пять лет, а мы, новички, все двенадцатилетки. Когда нам исполнится семнадцать, мы официально вступим на их посты.

— И... и вас всего девять стражей на всё про всё? — продолжала расспросы Дунфан Ду, прикидывая про себя: если их и вправду всего девять, неужели за пять лет из них смогут вырастить бойцов, способных противостоять сотне воинов?

— Мы — девятка главных стражей, считаемся старшими, но есть и другие...

— Вот оно что.

Удовлетворив свое любопытство, Дунфан Ду кивнула, но тут же подумала, что выкладывать ей всё как на духу было, пожалуй, опрометчиво с ее стороны. Поразмыслив, она предостерегающе произнесла:

— Юнь-эр, впредь не выкладывай всё подряд первому встречному, кто бы об этом ни спросил.

— Про себя же она подумала: Ну до чего же она наивная! И как только с такой наивностью её угораздило стать тайным стражем!

— Мгм, — кивнула Аньюнь, подумав, что, кроме наставника и других стражей, с ней вообще никто никогда не разговаривал, да и никто бы не стал задавать подобные вопросы.

На этом воспоминания оборвались. Дунфан Ду легко улыбнулась:

— Тогда Юнь-эр была до смешного наивной.

Увидев, как её августейший сын внезапно улыбнулся собственным мыслям, Сянь-фэй обеспокоенно спросила:

— Ду-эр, о чем ты вспомнила? — С чего это вдруг она улыбается? Только что ведь выглядела так, будто собиралась бросить вызов всему миру...Останда Ду пришла в себя:

— Ах... ни... ничего... Просто подумала, что смогла снова увидеть матушку, и на душе стало радостно.

С этими словами она снова обняла Сянь-фэй, зарывшись головой ей в объятия.

Сянь-фэй с материнской нежностью посмотрела на прильнувшую к ней дочь, мягко похлопала её по спине и ласково произнесла:

— Ну будет, мой царственный сын. Матушка пробыла в твоих покоях уже слишком долго, пора и честь знать.

В императорском дворе, даже находясь в покоях собственного ребёнка, нельзя засиживаться надолго.

Останда Ду зажмурилась, устроившись в объятиях Сянь-фэй, и при её словах о уходе лишь крепче вцепилась в её одежду, жалобно пробормотав:

— Матушка, побудь ещё немного. Ребёнок не видел тебя столько лет и никак не хочет отпускать.

Сунь Ивань с бесконечной любовью глядела на дитя в своих объятиях. Если всё было так, как говорило её чадо — что она якобы умерла в четырнадцатилетнем возрасте, — то должно быть, все эти годы её ребёнку, носившему женский облик под личиной императорского принца, пришлось несладко. В три года покинуть дворец, вернуться лишь в тринадцать — если сосчитать, они провели вместе всего четыре года.

Останда Ду ещё долго ластилась к Сянь-фэй, прежде чем с тяжёлым сердцем разжала руки, и напоследок не преминула напомнить:

— Матушка, возвращаясь, будьте предельно осторожны.

Сянь-фэй, казалось, вовсе не тревожилась. Она лишь с улыбкой кивнула и напутствовала:

— Отдыхай как следует, мой мальчик, а матушка тем временем вернется в дворец Чжаосянь.

Вспомнив о том, что её ребёнку предстоит борьба за императорский трон, она добавила:

— Что бы ни задумал мой Ду-эр, матушка всегда на твоей стороне.

Даже если ты захочешь силой захватить этот трон, я, твоя мать, вовек не стану тебе препятствовать.

Убедившись, что Останда Ду послушно легла под одеяло, она тщательно подоткнула края, вышла из покоев и в сопровождении Лэн Мэй и Нэн Чжу, неотлучно дежуривших у дверей, направилась обратно в свой дворец Чжаосянь.

Стоило Сянь-фэй удалиться, как во дворец Фэнцин пожаловала единственная принцесса Цаньской империи — принцесса Фэнлин, Останда Линуо, чтобы навестить второго принца Останду Ду. Она приходилась Останде Ду старшей сестрой на два года: рождённая на шестом году правления Цаньси, в этот момент ей исполнялось шестнадцать.

— Второй братец, я слышала, что пару дней назад ты внезапно заболел, и только сегодня смогла навестить тебя. Ты ведь не сердишься на старшую сестру?

Войдя в покои Фэнцин, принцесса Фэнлин прямоком уселась на край постели Останды Ду и с тревожным выражением уставилась на неё:

— Прошедшие два дня ты был без сознания, и я так хотела навестить тебя, но матушка преградила мне путь из твоих покоев.

Говоря это, Останда Линуо протянула руку и приложила ладонь ко лбу Останды Ду, а затем с облегчением выдохнула:

— Слава богу, жар спал.

Эти два дня извели меня до смерти!

— Старшая се... сестра... То, что ты пришла... я... я уже так рад! Разве... разве я мог бы сердиться на тебя?

Увидев Останду Линуо, Останда Ду невольно залилась краской и от смущения заговорила запинками.

В прошлый раз, после смерти Сянь-фэй, о ней во дворе заботилась и проявляла больше всего участия именно принцесса Фэнлин Останда Линуо. Матерью принцессы была наложница Чан-жужун. По праву рождения дочери она могла бы подняться в ранге до наложницы Шу-жун, но, увы, в день появления Линуо на свет её не стало. Император Цаньвэнь, Останда Жунхао, помня о том, что наложница Чан пожертвовала жизнью ради рождения дочери, пожаловал Останде Линуо титул принцессы Фэнлин.

Лишившись матери, принцесса Фэнлин воспитывалась под крылом императрицы. Сама императрица родила двоих сыновей: старший, Останда Си, появился на свет на третий год правления Цаньси, а на пятый год император даровал ему титул наследного принца. В день церемонии возведения в наследники император даже сменил девиз правления на Цаньшэн. На третий год Цаньшэн императрица родила ещё одного сына — Останду Сюй, который был младше кронпринца на шесть лет.

Императрица, у которой уже было двое своих сыновей, уделяла принцессе Фэнлин совсем немного внимания. Мать Останды Ду как раз в год рождения принцессы — на шестом году правления Цаньси — вошла во дворец, и императрица без лишних слов передала крошечную принцессу на воспитание Сунь Ивань. До рождения Останды Ду Сунь Ивань заботилась о принцессе Фэнлин как о родной дочери, отдавая ей всю себя без остатка.

В сентябре второго года Цаньшэн на свет появился Останда Ду, и Сунь Ивань за рождение сына была удостоена титула Сянь-фэй. Обзаведясь собственным ребёнком, Сунь Ивань не перестала заботиться об Останде Линуо — напротив, её материнская ласка ни капли не уменьшилась. На людях принцесса Фэнлин называла Сунь Ивань госпожой Сянь-фэй, а за глаза звала матушкой, точно так же, как и Останда Ду.

В ту пору принцесса Фэнлин была старше Останды Ду на два года. Хоть она и была мала, но уже всё понимала: разглядывая крошечный, мягкий свёрток с новорожденной Остандой Ду, она неизменно приходила в умиление и то и дело тыкала своими пальчиками её нежные щёчки. Когда же они немного подросли, то стали возиться и играть вместе, неуклюже спотыкаясь на каждом шагу.

Останда Ду с самого рождения отличалась слабым здоровьем, поэтому её вечно кутали в бесчисленные одежды, а матушка строго-настрого запрещала ей покидать дворец Чжаосянь. Маленькая Останда Ду хоть и тосковала по прогулкам на воле, но наставлениям матери следовала беспрекословно и носа не казала за пределы Чжаосяня. К счастью, в резиденции её развлекала старшая сестра Останда Линуо, так что скучать было некогда.

В дворцовых хрониках значилось, что после вступления во дворец император жаловал Сунь Сянь-фэй своим вниманием трижды. Первые два раза не принесли плода, и лишь после третьего визита в январе второго года Цаньшэн лекарь Линь диагностировал у неё зачатие. Вот только никто не ожидал, что Останда Ду, которой полагалось появиться на свет на десятом месяце, родится на целый месяц раньше срока. После родов повитуха с дрожью в голосе

доложила императору Цаньвэню, ожидавшему за дверями покоев:

— Поздравляю Ваше Величество, госпожа родила принца! Вот только из-за преждевременных родов ему нельзя показываться на ветру...

Опасаясь сквозняков, крошечного младенца спеленали по рукам и ногам. Сунь Ивань, сердце которой разрывалось от жалости к ребёнку, делала всё своими руками, даже не став нанимать кормилицу. До трёхлетнего возраста Останда Ду не покидала дворец Чжаосянь, проводя всё время в играх со старшей на два года сестрой Остандой Линуо. А когда ей исполнилось три, Шуай Цзы забрал её в ученики и увез прямо из дворца. С тех пор они с Остандой Линуо расстались на целых десять лет, прежде чем встретиться вновь.

В тринадцатилетнем возрасте у Останды Линуо появились собственные покои — дворец Линсинь, и она съехала из резиденции Сянь-фэй. Когда же Останда Ду вернулась после обучения боевым искусствам, между ними возникла некая отчужденность: они уже не могли резвиться вместе, как в детстве, и виделись лишь изредка во время обязательных утренних поклонов.

Не видевшись с Остандой Ду долгие годы, она видела, как крошечный малыш превратился в изящного юношу. Шестнадцатилетняя Останда Линуо уже познала тайны взаимоотношений между мужчиной и женщиной, и хотя приходилась Останде Ду старшей сестрой, прекрасно понимала необходимость соблюдать приличия. Если бы не внезапная болезнь брата, она ни за что не решилась бы так опрощиво переступить порог покоев Фэнцин.

Заметив лёгкий румянец на щеках Останды Ду, Останда Линуо решила, что у той снова поднялась температура, и испуганно засыпала её вопросами:

— Второй братец, у тебя случайно снова не жар?

Я же всего мгновение назад проверяла его лоб, температура была самой обычной, с чего вдруг он покраснел?

— Н... нет... — Останда Ду не знала, как оправдаться. Прикусив губу, она свалила всю вину на постель: — Наверное, это оттого, что одеяло слишком плотное, вот мне и стало жарко...

С этими словами она сбросила покрывало.

Облачённая в белоснежную нижнюю сорочку Останда Ду так просто и непринуждённо отбросила одеяло перед старшей сестрой и даже села:

— Так гораздо лучше, совсем не жарко!

И лишь договорив, она вдруг сообразила, что сама она — принц, а её собеседница — принцесса, и на миг ей стало невыносимо неловко.

Поразмыслив секунду, она брякнула на редкость глупый вопрос:

— Старшая сестра, ты случайно тоже не чувствуешь жару?

— Кхе-кхе... — Останда Линуо растерялась, не зная, что ответить. Сказать, что жарко? Но на дворе стоял ноябрь, всю хозяйничала зима. Сказать, что не жарко? Тогда как объяснить собственный румянец на лице? В конце концов она всё же кивнула:

— Наверное, я слишком быстро шла, вот кровь и прилила к лицу...

Обе они принялись валять дурака и притворяться несведущими, кое-как замяв возникшую неловкость.

— Если подумать, за тот год с лишним, что ты вернулся во дворец, мы со старшей сестрой так толком и не пообщались. Скажи, как тебе жилось те десять лет за пределами дворца?

Останда Линио первой сменила тему, надеясь воспользоваться болезнью брата, чтобы поближе сойтись с ним душевно. В обычное время они вряд ли смогли бы вот так сидеть бок о бок и мирно беседовать.

— Десять лет вне дворца?

Останда Ду посмотрела на Останду Линио, но взгляд её ушёл сквозь сестру, устремившись куда-то в далёкое прошлое. Для неё самой те годы за стенами дворца не казались событием годичной давности — в её восприятии это осталось в семилетнем прошлом. Слишком много времени утекло, настолько, что всё казалось прожитой в прошлой жизни.

— Да-да, те десять лет вне дворца! Расскажи старшей сестре, как всё было.

Останда Линио мягко смотрела на Останду Ду, с нетерпением ожидая услышать рассказ о внешнем мире. Она всю жизнь провела в золотой клетке дворца и никогда не покидала его пределов, даже вообразить не рождав, каков он — мир за этими стенами.

Останда Ду отвела взгляд, слегка опустив голову, погрузившись в какие-то мысли. Спустя мгновение уголки её губ изогнулись в лёгкой улыбке, и она перевела взгляд на Останду Линио:

— Старшая сестра хочет узнать, как прошли эти годы у твоего брата, или же желает услышать о мире за пределами дворца?

— К... конечно же, мне интересно, как тебе жилось всё это время... — с заминкой ответила Останда Линио. Вспомнив о собственной тяге к вольной жизни за стенами дворца, а также о том, что сидящий перед ней человек, несмотря на десятилетнюю разлуку, оставался её самым близким после Сянь-фэй человеком, она добавила чистую правду: — И... и о том, каков он, этот внешний мир, мне тоже хочется узнать.

Оказывается, старшая сестра так сильно интересуется внешним миром...

Останда Ду мягко улыбнулась и, подумав немного, начала рассказ:

— В три года я последовал за Учителем из дворца и вместе со старшими соучениками стал постигать боевые искусства на горе Уя. Когда мне исполнилось десять, старший соученик, что был старше меня на три года, вместе со средней соученицей, опережавшей меня на год, и мной отправился в путешествие по миру. Мы странствовали по Цзянху целых три года, а в тринадцать я вернулся сюда, в императорский дворец.